

**Министерство образования и науки РФ
Российский гуманитарный научный фонд
Правительство Оренбургской области
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»**

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА В ОРЕНБУРГСКОМ РЕГИОНЕ

Часть вторая

**Материалы Международной научной конференции
Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет, 14 октября 2016 г.**

Издается при финансовой поддержке РГНФ (грант 16-14-56502)
и Правительства Оренбургской области

**Оренбург
2016**

УДК 80=16(082)
ББК 80
Я 41

Редакционная коллегия

к. пед. н., доц. С. А. Алешина
д. ист. н., проф. Е. В. Бурлуцкая
д. филол. н., доц. В. А. Ефремов
д. пед. н., доц. О. М. Косянова
д. филол. н., доц. Т. А. Чеботникова
к. пед. н., доц. П. А. Якимов

Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: в 2 ч.
Я 41 Ч. 2. Материалы Международной научной конференции. Оренбург,
Оренбургский государственный педагогический университет, 14 октября
2016 г. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. – Оренбург: ООО «Издательство
„Оренбургская книга“», 2016. – 184 с.

ISBN 978-5-94529-059-4

В сборник вошли статьи ученых из России, Казахстана, Украины, Белоруссии и Словакии, посвященные актуальным вопросам социолингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии, в частности проблеме сохранения норм русского языка в современной коммуникации. Ряд статей посвящен исследованию языка художественной литературы, а также вопросам методики преподавания русского языка и литературы.

Сборник будет интересен специалистам в области лингвистики и литературоведения, истории и культурологии, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами современной филологии.

УДК 80=16(082)
ББК 80

ISBN 978-5-94529-059-4

© Коллектив авторов, 2016
© ООО «Издательство „Оренбургская книга“», 2016

Содержание

Абдрахманова Г. К. Языковая норма в современном обществе	5
Абусева Н. Н., Брякова И. Е. Особенности представления языковой личности в романе Дэниела Киза «Цветы для Элджернона»	7
Агапова Г. Х., Маити Притхвиш Овладение индийскими студентами устной русской речью в процессе применения коммуникативно-речевых упражнений	11
Асеева Д. В. Развитие исследовательского потенциала кадет в процессе работы над эстетическими возможностями грамматических форм	15
Ваганова Е. А. К вопросу о русской орфографии: графическое оформление новейших заимствований	19
Васильева О. В. Прагматика и стилистика	22
Вильнова С. В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и «Письма из Франции и Италии» и «Былое и думы» А. И. Герцена (сопоставительный анализ)	27
Волошин Ю. К. Фразеологизмы-эвфемизмы	30
Гарифулина Э. Я. Социальное пространство в романе Ги де Мопассана «Милый друг»	33
Горовая И. Г. К вопросу о синтаксических отношениях между компонентами сложного прилагательного	36
Грачева О. Н. Элементы военной лексики в сказке Е. Шварца «Голый король»	39
Давлетшина К. Ю. Морфологическая вариантность падежной системы имен существительных (на примере иностранных обучающихся)	43
Дубовскова Е. Н. К вопросу о диалогической структуре поэтического текста Ф.И. Тютчева	46
Есетова Н. С. Способы представления фразеологизмов в двуязычных словарях	49
Замальдинов В. Е. Новообразования-субстантивы как отражение политических реалий в нижегородских СМИ	52
Калинина М. А. Ономаσιологический подход к описанию иноязычной лексики (на примере галлицизмов)	55
Коннова О. В. Вербальное и невербальное в стилевой специфике современной драмы	57
Коробкова Т. В. Пути формирования у студентов языковой картины мира при изучении русского языка как неродного (на примере концепта «душа»)	61
Король Е. А. Особенности концептуального анализа при изучении художественных произведений	64
Краснова Е. И. Организация пространства и времени в романах Елены Чижовой «Крошки Цахес» и «Время женщин»	67
Кулаева Г. М., Земзерева В. И. Обучение студентов педвуза спортивной терминологии на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи»	70
Лапина Е. В. К вопросу о чистоте речи современной прессы	75
Межебовская В. В. Цветовая палитра как средство отражения мировосприятия С. Есенина (на примере ранней лирики поэта)	78
Моргун А. В. Вопрос о ядре и периферии класса фитонимов	81
Пирманова Н. И. Функционально-стилистический аспект изучения метафоры (на материале трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»)	86
Пыхтина Ю. Г. Типология и функции пейзажа в ранней прозе М. Горького	91

Распопова С. С. СМИ и журналистика: назначение, характер деятельности	94
Рубан Д. А. Фундаментальная проблема языковой коммуникации в науке о туризме	97
Рубан Д. А. Коннотационные изменения прилагательных «международный» и «мировой» в современных научных журналах	100
Семенец О. П. Прецедентный текст в современном газетном заголовке	102
Слесарева Т. П. Языковая норма как объект школьного изучения в условиях белорусско-русского двуязычия	105
Соколова А. А., Фатеева Н. А. Лингвистический анализ художественного текста: словообразовательный аспект	108
Соловьева О. Н. К вопросу о языковых средствах выражения оценки	112
Сорокин О. Н. Стилиевая специфика современных рекламных текстов	116
Унгарбаева Г. И., Тобыш Н. А. Фразеологизмы в казахстанских СМИ	119
Устинов А. Ю. Нормативно-стилистический принцип при изучении прямой и косвенной речи	122
Устюгова Л. М., Бекасова Е. Н. Об исторически сложившихся особенностях причастий в русском языке	127
Фесенко О. П. Проблемы формирования общекультурной языковой компетенции в системе модульного обучения в вузе (на примере высших военных учебных заведений)	132
Хасенова Е. В. Роль жаргонизмов в социальной среде	136
Чудасов И. В. Серпентикум версус в творчестве Валерия Галечьяна	140
Шевякова И. А. Вставные конструкции в структуре предложения	146
Шехтман Э. Н. Изучение современного состояния глаголов вариативного прагматического оформления по словарям	149
Шимко Е. В. Экстралингвистические факторы в истории церковнославянского языка	152
Шулумба Б. В. Языковая практика полиэтнических СМИ	156
Щербаков Д. А. Язык как форма существования исторической реальности	159
Щербакова Е. К. Литературные аллюзии в текстах художественного кино как характерное явление массовой культуры	162
Щербакова О. В. Влияние афоризмов в СМИ на читателя	165
Ягафарова Г. Н. Языковая норма в художественной литературе (на примере произведений М. Карима)	169
Якимов П. А. Религиозная картина мира в индивидуальном сознании личности.....	171
Яковлева Т. Б. К вопросу об особенностях стиля молодежных телефильмов и изданий для молодых	175
Әбдіғази С. Х. Особенности формирования детского би/полилингвизма	178
Сведения об авторах	181

ПРАГМАТИКА И СТИЛИСТИКА¹

О. В. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время в русистике, как и в западной лингвистике, наблюдается рост интереса к прагматической стороне текста [1]. В 60-е годы XX века «рядом с лингвистической семантикой стала формироваться прагматика с её явно деятельностным подходом к языку» [3].

Стилистическая сторона слова очень ярко выражает прагматику. Взаимосвязь стилистики и прагматики очевидна: абсолютно все стилистически маркированные слова несут в себе прагматический компонент, так как имеют ограничения в употреблении. Слова книжные и разговорные – взаимонепроницаемые пласты лексики, каждый из которых имеет жесткие нормы функционирования. Их объединяет наличие прагматического компонента в семантике. Вместе с тем не чужд этот компонент и целой группе нейтральных лексем.

Расшифровка стилистических помет любого словаря содержит в себе указание на ограничение употребления маркированных лексем, вызванное именно прагматическим компонентом их значения. На шкале разговорной части лексики присутствуют такие пометы, как *шутливое, ироническое, грубое, бранное, неодобрительное, ласкательное* – все они свидетельствуют о соответствующих эмоциях говорящего. Например, сущ. *друг* – слово, стилистически нейтральное, но тем не менее обладающее прагматикой, поскольку относится к группе лексем с положительной оценочностью (таких как *счастье, справедливость, хороший* и др.) Производное слово – *дружок* – уже стилистически окрашено, так как суффикс *-ок* – «уменьшительно-ласкательный», то есть образующий лексемы со значением уменьшительности, с коннотацией ласкательности или с тем и другим одновременно. (Слово *дружок* относится к последней разновидности, так как употребляется взрослыми по отношению к детям и содержит сему ласкательности, то есть является ласковым обращением взрослого к ребенку.) Лексема *дружок* существенно отличается по семантике от своего производящего *друг*, поскольку, в отличие от него, не обозначает духовно близких отношений равных людей, *дружок* – всегда обращение старшего к младшему. Меняется семантика – меняется и прагматика. В то же время производное второй ступени – *дружочек* – очень близко, почти тождественно своему производящему как по семантике, так и по прагматике. Поэтому в разговорной речи употребляется преимущественно первая лексема, *дружок*. Что касается второго слова – *дружочек* – то оно функционирует в песенных жанрах фольклора, причем в другом значении – как ласковая форма номинации милого, любимого человека.

Образование так называемых уменьшительно-ласкательных производных системно для русского языка. В тех случаях, когда производное слово не обозначает маленький предмет, то есть не выполняет в первую очередь номинативной функции, лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами выражают в коннотативной части семантики отношение говорящего к обозначаемому либо к собеседнику, то есть являются прагматонимами. От стилистически нейтральных лексем образуются лексемы разговорные, стилистически маркированные и обладающие прагматическим компонентом в семантике.

Так, например, с присоединением к основе стилистически нейтрального сущ. *стул* уменьшительно-ласкательного суффикса мы получаем две омонимичных друг другу производных единицы. В словосочетаниях *детский стульчик, игрушечный стульчик, крошечный стульчик* имя сущ. имеет значение «небольшой стул». Лексема

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-04-00373-а «Лексика русского языка с прагматическим компонентом семантики».

обозначает реалию небольшого размера, то есть выполняет номинативную функцию. Ни стилистически, ни прагматически эта производная не отличается от производящей лексемы (отличие только семантическое). Однако в женской речи возможно и иное употребление слова *стульчик* (и подобных ему) – применительно к той же самой реалии, которая обозначается в языке производящим словом. Такое употребление характерно для говорящего с ребенком или физически слабым человеком – в обоих случаях лексема с уменьшительно-ласкательным суффиксом является стилистически и прагматически окрашенной, выражая заботливое, ласковое отношение говорящего к собеседнику. В речи жительниц сельской местности возможно также употребление подобных демиинутивов и при общении с любым собеседником, однако это явление социально ограничено и не является нормой для разговорной речи в целом. Фактически только контекст дает возможность (да и то не всегда) разграничивать значение «небольшой предмет» и стилистическую коннотацию «в разговоре с ребенком – ласково» (прагматический компонент). Если фраза *возьми карандашик* адресована ребенку, а карандаш, обозначаемый словом *карандашик*, действительно маленький, разграничить семантику и прагматику практически невозможно. Разумеется, это свойственно только лексемам, допускающим возможность такого двойного толкования. Лексема *солнышко* при ее соотносительности с уникальным денотатом, размер которого не варьируется, обладает только прагматическим компонентом. С другой стороны, демиинутивы, относящиеся к природным явлениям – *дождик*, *ветерок*, *морозец* – обладают, в отличие от своих производящих, семой «незначительный по силе».

Вместе с тем не всегда с помощью «уменьшительно-ласкательного» суффикса образуется в русском языке лексема со значением «небольшой по размеру» или с прагматическим компонентом в семантике. Иногда производные с таким суффиксом обладают своим, особым значением, как, например, в паре *снег – снежок*. В одном случае *снежок* – действительно прагматоним, с тем же лексическим значением, что и *снег*, но с добавочной коннотацией – отношением говорящего к реалии (*Как на тоненький ледок выпал беленький снежок*). Зато в другом случае *снежок* – это «плотно слепленный шаровидный небольшой комочек снега». Сема «незначительный по размеру» здесь, безусловно, присутствует, однако существительное *снежок* в данном значении обладает и другими семами, отсутствующими у слова *снег*. Лексема *снежок*² стилистически нейтральна, поскольку выполняет номинативную функцию и прагматикой не обладает.

Стилистическая помета *ирон.* (ироническое) также указывает на прагматический элемент семантики, который формируется, однако, иначе, чем у «ласкательных» слов. Если слова с семантическим компонентом «доброго, ласкового отношения говорящего» обязательно содержат суффикс, который является материальным выразителем этого отношения, то слова, выражающие иронию говорящего, могут и не иметь материального показателя коннотации. Рассмотрим производные от очень важного оценочного слова *ум*. (Шкала *ум – глупость* – одна из определяющих в межличностной коммуникации.) Сущ. *умник*, вопреки своей форме, чаще всего обозначает не умного человека, а, наоборот, поступившего неразумно с точки зрения говорящего. (*Ну ты и умник!* – выражение неодобрения.) Названия телепередачи «Умники и умницы» (викторина для учащихся старших классов) и радиопередачи «Умники-разумники» (викторина для знатоков Санкт-Петербурга) поддерживают словообразовательно мотивированную семантику, однако в узусе закрепилось противоположное значение. Интересно, что у словообразовательной параллели женского рода – сущ. *умница* – энантиосемия не развита. Это оценочное сущ., в отличие от сущ. *умник*, употребляется исключительно в одобрительных высказываниях (*Вот умница, ай да умница!*). Вследствие этого лексема *умница* приобрела способность выражать положительную оценку лиц не только женского пола, но и мужского, то есть является сущ. общего рода. Так что формальная грамматическая пара *умник – умница* семантически (и стилистически) парой не является. Глагол *умничать* также семантически и стилистически существенно отличается от того, что зало-

жено в его внутренней форме. Если *ум* – сущ. с сильной положительной оценочностью, то глагол *умничать*, в отличие от сущ. *умник*, никогда не выражает положительной оценки. То есть мотиватором для глагола является сущ. *умник* с имеющимся у него пейоративным компонентом семантики.

Стилистическая помета *пренебр.* (пренебрежительное) маркирует очень яркую с точки зрения стилистики группу лексики. Точно так же, как у слов с коннотацией уменьшительно-ласкательной, у слов пренебрежительных имеются свои морфологические показатели – суффиксы. Разумеется, такая прагматическая информация, как пренебрежительное отношение говорящего к обозначаемому, может выражаться в русском языке и собственно лексическим значением слова (у таких лексем, как *карга*, *барахло*, *драпать* и др.), однако наиболее интересно формирование указанной коннотации именно при помощи суффиксов от лексем, нейтральных с точки зрения стилистики и не обладающих прагматическим элементом в значении. Так исторически сложилось, что в литературной части русского национального языка суффикс, отвечавший ранее за семантику собирательности (j), стал в некоторых случаях выразителем пренебрежительной оценки. От нейтральной лексемы *старик* образуется стилистически и прагматически окрашенная лексема *старичьё*. При этом лексическое значение слова *старик* – «человек преклонного возраста» преобразуется не просто в значение «люди преклонного возраста» (это значение выражается формой мн. числа лексемы *старик*: *старики*). У лексемы *старичьё* появляется коннотация пренебрежительности. Оценочность в данном случае отчасти вытекает из лексического значения мотивирующего слова: старый человек на возрастной шкале – это существенное отклонение от условной точки отсчета, и хотя применительно к возрасту вроде бы неприложимы понятия «хорошо» – «плохо», все же оценочность – важнейшее свойство человеческого сознания, поэтому накладывается в том числе и на шкалу возраста. (Ср. на другом полюсе: *юнец*, *недоросток*, *молоко на губах не обсохло*, *недоросль*, *зеленый еще*, *салага* – о людях молодых и вследствие этого еще не обладающих знаниями, опытом, навыками, которыми должен обладать человек, чей возраст соответствует центральному положению на данной шкале.) Помимо оценочности, лексема *старичьё* отличается от лексемы *старик* и безотносительностью к идее рода, поскольку, как все собирательные сущ., обозначает совокупность лиц (предметов), выражаемую также формой мн. числа (*старики*, *старичьё*).

Лексема *старуха* не является точной параллелью женского рода к сущ. *старик*, хотя все толковые словари современного русского литературного языка именно так ее семантизируют. В отличие от почти нейтральной лексемы *старик*, слово *старуха* нейтральным не является. Причина тому – разговорная маркированность суффикса *-ух-* в русском языке. Для современного языкового сознания обе лексемы имеют устойчивую привязку к фольклорной традиции (*жили-были старик и старуха*), в которой это действительно параллельные по родовой отнесенности номинации. В свою очередь, ассоциации с устным народным творчеством свидетельствуют об определенной ограниченности в употреблении данных лексем. Такие производные от сущ. *старуха* как *старушенция*, *старушонка* выражают пренебрежительное отношение говорящего в первую очередь при помощи суффиксов. (Ср. *книга* и *книженция*, *книжонка*). В свою очередь, производная от слова *старик*, выражающая такую же прагматику, образуется при помощи другого суффикса: *старикашка*.

Вместе с тем в арсенале лексики русского языка существует немало специализированных средств для выражения пренебрежительной коннотации. Значение «пожилая женщина» может передаваться лексемой *карга*, а также рядом семантически сниженных слов и словосочетаний.

Любопытно с точки зрения семантики и прагматики слово *барахло*, которое является стилистически сниженным синонимом к сущ. *вещи*. В отличие от последнего, лексема *барахло* содержит весомый компонент в своей семантике: это ненужные, малоценные для говорящего вещи. Не случайно у данной лексемы развивается и второе –

уже чисто оценочное значение (*барахло, а не телевизор, эти наушники – барахло*). Интересно, что производный глагол *прибарахлиться* (мотивированный основным лексическим значением слова *барахло*) употребляется говорящими чаще всего по отношению к себе, тогда как производящее такой избирательностью употребления не обладает. При этом коннотация глагола скорее положительная, чем отрицательная, то есть глагол по прагматической составляющей своей семантики ближе к лексеме *барахлишко*, чем к мотиватору *барахло*. Сущ. *барахлишко* содержит суффикс, выражающий значение уничтожительности (*домишко, докторишка* и др.), а вместе с тем и значение уменьшительности и ласкательности. И если с точки зрения как семантики, так и прагматики уничтожительная коннотация пейоративна, то значения уменьшительности и ласкательности, безусловно, мелиоративны. Так омонимия суффиксов порождает неоднозначность окраски лексем, их содержащих. И если лексема *докторишка* однозначно уничтожительна, а лексемы *носишко, хвостышко* могут быть истолкованы столь же однозначно как уменьшительно-ласкательные производные соответствующих лексем, то в целом ряде случаев лексемы, подобные слову *домишко* (*платьишко, письмишко* и др.), не могут быть восприняты без контекста. В контексте *Жалкий домишко, годный только на слом* лексема *домишко* выражает отрицательное отношение говорящего (уничтожит.), тогда как в высказывании *Старенький, покосившийся, милый сердцу домишко* присутствует положительное отношение говорящего (ум.-ласк.). Сущ. *барахлишко* с точки зрения прагматики может быть оценено как смягчительно-уничтожительное. Говорящий старается вербально выразить незначительность своего имущества, как бы недостойного внимания со стороны слушателя. Следует отметить, что подобные лексемы, с коннотацией уничтожительности, регулярно встречаются в частных письмах XV-XVII веков, дошедших до нас в большом количестве. Более того, самоуничтожение пишущего было стилистической нормой древнерусской литературы на протяжении длительного периода.

В толковом словаре русского литературного языка под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСУ) лексема *юбчонка* семантизируется так: Юбчонка, ж. (разг. фам.). Уничтожит. к юбка. [4, т. 4, с. 1443]. Определение «уничтожительное» вынесено в толкование лексемы, тогда как «разговорное» и «фамильярное» даны как стилистические пометы. И это вполне оправдано, поскольку лексема *юбчонка* отличается от производящего *юбка* именно коннотациями, то есть стилистикой и прагматикой. Суффикс *-онк-*, о котором уже шла речь, образует разговорные сущ. с коннотациями пренебрежения (*душонка*) или фамильярности (*одежонка*). Пометы *пренебр.* (пренебрежительное) и *уничтожит.* (уничтожительное), а также *презрит.* (презрительное) маркируют очень близкие стилистически-прагматические свойства лексики. Пренебрежение, презрение, уничтожение – эмоции говорящего, направленные на оцениваемый объект. Так, например, слова *дармоед, ублюдок* сопровождаются в ТСУ пометой *презрит.*, слово *книжонка* – пометой *уничтожит.*, а лексема *девчонка* – пометой *пренебр.* Достаточно близка к названным помета *неодобр.* (неодобрительное), которая маркирует неэмоциональное негативное отношение говорящего к обозначаемому. Интересно, что при дифференциации пейоративных помет им противостоит по сути одна мелиоративная – *одобрит.* (одобрительное), помимо описанной выше пометы *ласк.* (ласковое).

Пометой *одобрит.* (одобрительное) должны быть снабжены в толковых словарях такие лексемы, как *молодец, умница, добропорядочность* и другие, подобные им, однако такая помета при оценочной лексике мелиоративного характера не встречается. Авторы словарей оправданно уделяют повышенное внимание оттенкам пейоративной оценочности, не маркируя при этом слова с положительной окраской. Зато антонимичная помета *неодобр.* (неодобрительное) регулярно используется в словарях. В ТСУ она стоит при таких словах, как *деляческий, нагородить* в значении «построить что-н. громоздкое, нелепое», *назначенец* в значении «лицо, занимающее выборную должность по назначению, а не по избранию» и др.

Помета *бран.* (бранное) указывает на еще большее неодобрение со стороны говорящего к называемому, которое выражается не только ментально, но и эмоционально. В ТСУ эта помета маркирует такие слова, как *прощелыга* в значении «пройдоха, плут, мошенник», *балбес, барахло* в значении «о дрянном, негодном человеке» и др.

Из всего набора помет пометы *шутл.* (шутливое) и *ирон.* (ироничное) – самые субъективные и контекстуальные. Неодобрение, презрение, пренебрежение, уничижение, презрение – эмоции, находящие воплощение уже в самом слове, тогда как шутливое или ироничное отношение говорящего может сопровождать, а может и не сопровождать высказывание, выражаясь не лексически, а лишь интонационно. Не случайно пометы, указывающие на такие коннотации, часто встречаются в словарях не при словах, а при знаках употребления. Одно и то же высказывание, в зависимости от интонации произнесения и контекста, может быть как констатирующим, одобрительным по прагматическому компоненту, так и шутливыми или ироничным, то есть содержащим пейоративную прагматику. (Высказывания типа *Умный человек, ничего не скажешь; Он совершил настоящее открытие; Полезное приобретение* и многие другие.) При этом ирония, выражаемая всем контекстом, свойственна отдельным лексемам в подобных высказываниях: *умный, открытие, полезное.*

Все сказанное не отрицает, однако, того, что некоторые лексемы русского языка могут обладать коннотацией ироничного отношения к обозначаемому сами по себе, как языковые единицы. Например, сущ. *умник* в значении «умничающий, старающийся выказать свой ум человек». В словарях помета *ирон.* стоит при значении. При сущ. же *отличник* такая помета возможна лишь за чертой употребления, поскольку лексема в языке обладает значением «учащийся, получающий отличные оценки» и ей не свойственна энантиосемия, допустимая в речи. (Оценочная реплика «*Отличник!*» может быть адресована родителями ребенку, получившему неудовлетворительную оценку.) Интересно, что мотивирующий глагол *отличиться* уже в языке способен выражать разную прагматику. Основное его значение – «выделиться из числа других чем-л.» – самое широкое, не случайно в Словаре русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) при формулировке значения находим в скобках уточнение: выделиться «храбростью, доблестью, умением и т. п.» [2, т. 2, с. 688], то есть коннотация мелиоративная, тогда как производное «сделать какую-н. выходку, глупость, оплошность и т. п.» сопровождается в ТСУ целым рядом помет: *разг. фам. шутл. или ирон.* [4, т. 2, с. 943]. В МАС этот оттенок сформулирован более конкретно: «совершить, сделать что-л. вызывающее удивление, осуждение и т. п.» [2, т. 2, с. 689], также сопровождается стилевой пометой *разг.*, а из стилистических оставлена помета *ирон.*

Таковы лишь некоторые наблюдения над взаимосвязью стилистики и прагматики у слов русского языка.

Список использованной литературы

1. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – Вып. 16. – М., 1985.
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
3. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmc.html>
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1934-1940.

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА
И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА
В ОРЕНБУРГСКОМ РЕГИОНЕ

Часть вторая

Материалы Международной научной конференции
Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет, 14 октября 2016 г.

Выпускающий редактор – Наталья Сербина
Корректор – Петр Якимов, Хазина Жансугурова
Художник – Татьяна Антонова
Подготовка к печати – Фёдор Абленин

Подписано в печать 27.09.16

Формат 60×84/8

Печать офсетная

Бумага офсетная

Тираж 150 экз.

Гарнитура Times New Roman

Заказ №

ООО «Издательство „Оренбургская книга“»

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 27

8 (3532) 773480

www.orenburgkniga.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

ISBN 978-5-94529-059-4

